

*Моей маме, М.Е.
и моей сестре, Уизи*

ГЛАВА 1

Я никогда не смогу победить, мое тело слишком слабо.

Белли. «Стар»

Я была белой, как детеныш гренландского тюленя. Из-за плотных повязок предплечья напоминали тяжелые дубинки. Бедра также туго перебинтовали — белая марля выглядывала из-под шорт, которые медсестра Ава вытащила из коробки забытых вещей за постом медсестер.

Подобно сироте, я попала сюда без одежды. Сирота, завернутая в простыню и брошенная на лужайке больницы Ридженс посреди холодной снежно-ледяной крупы, в крови, пропитавшей ткань с цветочным узором.

Меня обнаружил охранник, окутанный облаком ментоловых сигарет и безвкусного кофе из автомата.

— Боже правый, девочка, что с тобой произошло? — спросил он.

Моя мать не пришла, чтобы забрать меня.

Тем не менее я помню звезды той ночью. Они рассыпались солью на небе, словно кто-то опрокинул солонку на очень темную скатерть.

Их нечаянная красота много значила для меня. Казалось, что это последнее, что я увижу перед тем, как умереть на холодной мокрой траве.

Девушки пытались меня разговорить. Они хотели знать о моей жизни:

— Так в чем дело, солнышко? Какая у тебя история, тюлень?

Каждый день я слушала их рассказы на занятиях в группе, за обедом, на творческих занятиях, за завтраком, за ужином, снова и снова. Слова, мрачные воспоминания выплескивались из них, не останавливаясь. Истории пожирали их заживо, выворачивали наизнанку. Они не могли замолчать.

Я же заглушала все свои слова. Мое сердце переполнялось ими.

Я жила в одной комнате с Луизой. Она была старше меня, ее волосы золотисто-рыжим бурлящим океаном ниспадали на спину. Ей не удавалось даже собрать их в пучок, в хвост резинками или заплести в косички — такие они были густые. От нее пахло лучше, чем от других девушек, которых я когда-либо знала; от ее волос веяло клубникой. Я могла бы вечно вдыхать этот аромат.

В мой первый вечер в больнице, когда Луиза переодевалась ко сну, она подняла блузку, и за мгновение до того, как ее непослушные волосы защитным капюшоном упали на спину, я увидела их... все... и глубоко вздохнула.

— Не пугайся, малышка, — сказала она.

Я не была напугана. Просто никогда не видела девушку с такой кожей, как у меня.

Мы были заняты каждую минуту. Вставали в шесть утра. В шесть сорок пять уже пили чуть теплый кофе или сок, разбавленный водой. Нам отводили полчаса, чтобы наскоблить сливочного сыра на бейгеле, по вкусу напоминавшего картон, или запихнуть в себя яйцо с бледным желтком, или проглотить овсянку с комками. В семь пятнадцать мы могли принять душ. В ваннных комнатах двери отсутствовали, и я не знаю, из чего там были сделаны зеркала, но это не стекло, и когда чистишь зубы или расчесываешь волосы, то очертания лица неясные и потерянные. Если кто-то хотел побрить ноги, то при этом должна была присутствовать медсестра или санитарка. Это никому не нравилось, и ноги у нас были волосатые, как у парней. В во-

семь тридцать начинались занятия в группе. Вот здесь-то все принимались выплескивать истории и лить слезы, кто-то кричал или охал. Я, наоборот, просто сидела, а одна ужасная девушка из старших, Блю, с плохими зубами, каждый день повторяла:

— Ты будешь сегодня говорить, Молчаливая Сью? Я очень хочу послушать Молчаливую Сью, а ты, Каспер?

Каспер просила ее прекратить. Она предлагала нам сделать вдох, развести руки далеко-далеко в стороны и, подобно игре на аккордеоне, соединять их ближе, ближе, ближе, а потом разводила дальше, дальше, дальше; не правда ли, стало лучше просто от того, что мы делаем вдох? После занятий в группе — прием лекарств, потом отдых, обед, творчество и затем индивидуальное занятие — ты сидишь перед доктором и еще немного плачешь, затем в пять ужин, а значит, больше остывшей еды и больше Блю:

— Ты любишь макароны с сыром, Молчаливая Сью? Когда тебе снимут эти повязки, Сью?

Потом развлечения, после них время для телефонных звонков и опять слезы. И вот девять вечера — еще лекарства и время ложиться спать. Девушки жаловались и шипели по поводу расписания, еды, занятий в группе, лекарств — всего, но мне было все равно. Главное, что есть еда, постель, тепло и крыша над головой, и я в безопасности.

Меня зовут не Сью.

Джен С. — мулатка. Короткие, тонкие, как ветки, шрамы тянулись вниз и вверх по рукам и ногам. Она носила яркие спортивные шорты и ростом была выше всех нас, кроме доктора Дули. Джен вела воображаемый баскетбольный мяч взад и вперед по коридору с бежевыми стенами и забрасывала его в невидимое кольцо. Фрэнси — подушка для иголок в человеческом обличье: она протыкала свою кожу швейными иглками, спицами, булавками — словом, всем, что могла найти. У нее был злобный взгляд, и она плевала на пол. Саша — толстушка, наполненная водой: она плакала на занятиях в группе, за столом, в своей комнате. Ее не

высушить уже никогда. Саша вскрывала себе вены: ее руки изрешечены еле заметными красными линиями, глубоко она не резала. Айсис обжигала себя, ее руки усеяны бугорками округлой формы, покрытыми струпьями. На занятиях в группе что-то говорили про веревку, двоюродных братьев и подвал, но я себя изолировала от этого и включила громче свою внутреннюю музыку. Блю со своей болью напоминала пеструю птицу, тут всего понемногу: плохой папаша, зубы, испорченные метамфетамином, сигаретные ожоги, порезы от лезвий. Линда/Кейти/Каддлз носила бабушкины халаты. Ее тапки воняли. Ее было так много, что не уследить — ее шрамы все внутренние, и монстры тоже. Я не понимала, почему Линда с нами. За ужином она размазывала картофельное пюре по лицу. Иногда ее рвало без причины. Даже когда она совсем не двигалась, я понимала, что внутри у нее происходит много нехорошего.

На улице я была знакома с такими, как она. Я держалась от нее подальше.

Порой мне трудно дышалось в этом проклятом месте; как будто в груди был насыпан песок. Я не понимала, что происходит, — слишком долго жила в холоде, на улице. Не осознавала, что есть чистые простыни, пахнущее свежестью одеяло, еда, расставленная передо мной в столовой, волшебная и теплая. Я начинала паниковать, тряслась, задыхалась, забивалась в угол комнаты, и Луиза подходила ко мне очень близко. Ее дыхание пахло мятным чаем, она обхватывала мои щеки ладонями — даже от этого прикосновения я вздрагивала.

— Здесь все свои, малышка, — говорила она.

В комнате было чересчур тихо, поэтому ночью я гуляла по коридорам. У меня болели легкие. Я медленно ходила.

Вокруг слишком бесшумно. Я подолгу водила пальцем по стенам. Я знала, что мне планируют давать снотворное, как только раны заживут, и отменить прием антибиотиков, но не хотела этого. Мне нужно было бодрствовать и осознавать происходящее.

Он мог быть где угодно. Он мог быть здесь.

Луиза выглядела как королева. На этот раз она здесь насовсем.

— Да ради бога, я тут самая первая проклятая пациентка, они только открылись, когда я сюда поступила, — говорила она мне.

Она все время что-то писала в черно-белой толстой тетради, и никогда не ходила на занятия в группе. Большинство из нас носили легинсы и футболки, мешковатую одежду, но не Луиза — она наряжалась каждый день: черные колготки, лаковые балетки, гламурные платья из секонд-хенда в стиле сороковых годов, прически, каждый раз новые и неожиданные. У нее имелись целые чемоданы, набитые шарфами, прозрачными ночными рубашками, тональными кремами, кроваво-красными помадами. Луиза напоминала гостя, который не планирует уезжать.

Она сообщила мне, что поет в группе. И тихо добавила:

— Но я сильно нервничаю. Эта проблема мне сильно мешает.

У Луизы на животе ожоги, похожие на круги, заключенные друг в друга. На внутренней стороне рук — следы от порезов в форме корней. Ее ноги в аккуратных ровных узорах от ран и ожогов. Спина покрыта татуировками.

Каждое занятие Каспер начинала одинаково. Упражнение «аккордеон», дыхание, растяжка шеи, наклоны вперед с касанием носков. Каспер — хрупкая и нежная. Она носила эльфийские сабо на невысоких каблуках. У остальных докторов была обувь, пронзительно бряцавшая и издававшая много шума, даже на ковровом покрытии. Каспер бледная, с большущими округлыми и самыми голубыми глазами. Она очень добрая.

Окинув нас взглядом, она мило улыбалась и произносила:

— Ваша задача здесь — вы сами. Мы тут все работаем над тем, чтобы стать лучше, не так ли?

Что означает: все мы в настоящий момент — дерьмо.

Но мы это уже поняли.

На самом деле ее зовут не Каспер. Так ее называют из-за этих огромных голубых глаз и еще потому, что она мягкая. Иногда по утрам она появлялась рядом с кроватями, словно привидение, чтобы заполнить медицинские карточки. Ее теплые пальцы спускались вглубь от края повязки всего на дюйм или около того, чтобы измерить мой пульс. Когда она смотрела на меня сверху вниз, у нее появлялся прелестный второй подбородок. Слово привидение, она неожиданно возникала в коридоре сзади меня, и когда я удивленно оборачивалась, она спрашивала с улыбкой:

— Как дела?

В ее кабинете в огромном аквариуме жила толстая медлительная черепаха, которая гребла и гребла, гребла и гребла, едва ли делая в этом успехи. Бедная чувиха, я все время смотрю, как она это делает. Я могла бы наблюдать за ней часами и днями напролет: она необыкновенно терпеливо выполняла задачу, которая в итоге ни к чему не приводила, потому что ей ведь не светит выбраться из чертова аквариума в ближайшее время, так?

А Каспер просто смотрела, как я наблюдаю за ней.

Каспер приятно пахла. Она всегда была чистая, ее одежда еле слышно шуршала. Она никогда не повышала голос. Когда Саша задыхалась от рыданий, она гладила ее по спине. Расставив руки, как вратарь, она защищала Линду/Кейти/Каддлз, когда один из монстров рвался на свободу. Я даже видела ее в комнате Блю, в тот день, когда Блю получила большую коробку книг от своей матери: Каспер листала книги и улыбалась Блю. И я увидела, что от ее улыбки Блю немного смягчилась, самую малость.

Каспер должна была быть мамой. Она должна была быть *моей* мамой.

У нас всегда горел свет. Небольшие, но яркие импульсные светильники на стенах в каждой комнате включались в четыре часа дня и гасли в шесть утра. Луиза не любила свет. Каждый вечер перед сном она плотно задергивала шторы из грубой ткани, чтобы в окно не попадали желтые прямо-

угольники света от офисного здания по соседству. Вдобавок она накрывалась с головой.

Однажды вечером, как только она заснула, я скинула одеяло и раздвинула шторы. Может, я искала рассыпавшиеся солью звезды. Не знаю.

Я писала в металлический унитаз и наблюдала за Луизой — безмолвный бугор под кучей одеял. В странном зеркале отражение моих волос похоже на змей. Я сжимала в руке спутанные волосы и дреды. Они до сих пор пахли грязью, бетоном, пылью и чердаком, меня тошнило от этих запахов.

Как долго я здесь находилась? Я приходила в себя от чего-то. От какого-то места. Врачного места.

Коридорные лампы напоминали оживленные длинные реки. Мимоходом я бросила беглый взгляд в комнаты. Блю единственная не спала, она держала книгу как можно выше к импульсному светильнику, чтобы видеть текст.

Никаких дверей, ламп, стекол, бритв, только мягкая еда, которую можно есть ложкой, и чуть теплый кофе. Чтобы невозможно было нанести себе повреждения.

Барабания пальцами по столу, я ждала, что кто-нибудь наконец появится у стойки медсестер; я чувствовала досаду и раздражение. Позвонила в маленький звонок. Громкий противный звук раздался в тишине коридора.

Барbero появился из-за угла с набитым ртом, он жевал что-то хрустящее. Увидев меня, он нахмурился. У Барbero толстая шея — он бывший рестлер из Меномини. От него все еще исходил еле уловимый запах мази и пластыря. Барbero нравились только красивые девушки. Я знала это, потому что Джен С. очень красивая — длинные ноги, нос в веснушках, и ей он всегда улыбался. Она единственная, кому он вообще улыбался.

Он закинул ноги на стол и засунул в рот пару картофельных чипсов.

— Ты, — сердито проговорил он, и соленые крошки полетели изо рта на синюю медицинскую форму, — какого черта тебе понадобилось так поздно?

Я взяла блок стикеров и ручку со стойки и быстро написала. Показала ему. «КАК ДОЛГО Я УЖЕ ЗДЕСЬ НАХОЖУСЬ?»

Он посмотрел на стикер. Покачал головой:

— Не-а, спроси нормально.

Я написала: «НЕТ. СКАЖИ МНЕ».

— Ничем не могу помочь, Молчаливая Сью, — Барберо скомкал пакет из-под чипсов и выбросил в корзину для мусора. — Тебе придется открыть этот испорченный маленький ротик и заговорить, как большая девочка.

Барберо считал, что я его боюсь, но это не так. Был только один человек, которого я боялась, но он находился далеко, на противоположной стороне реки, и здесь он не мог меня достать.

Я думала, что здесь он меня не достанет в любом случае.

Еще один стикер. «БОЛВАН, ПРОСТО СКАЖИ МНЕ».

И все же мои руки немного тряслись, когда я показала ему это.

Барберо засмеялся. Чипсы застряли у него между зубами.

Искры пронеслись у меня перед глазами, и музыка внутри включилась на полную громкость. Я отошла от поста медсестер, моя кожа онемела. Хотелось бы дышать так, как говорила Каспер, но я не могла, со мной это не работало: стоило мне разозлиться — и в голове включалась эта музыка. Кожа больше не немела, но сильно чесалась, а я тем временем блуждала, блуждала и искала глазами, наконец, нашла пост и пошла обратно. Барберо больше не смеялся. Он летел головой вперед, ругаясь:

— Вот дерьмо!

Пластиковый стул отлетел от стойки. Стакан и ручки с приклеенными искусственными цветами упали на пол и веером рассыпались по бесконечному бежевому ковровину. Он повсюду, бескрайний бежевый ковролин. Я пнула стойку, и мне стало больно, потому что на мне не было обуви, но это оказалось здорово — чувствовать боль, и я продолжила пинать. Барберо уже встал, но я снова схватила стул, а он выставил руки:

— Довольно. Успокойся, ты, чокнутая!

Но он говорил очень мягко. Как будто теперь, может быть, он немного боялся меня. И я не знала почему, но это злило меня еще больше. Я снова подняла стул, и в этот момент появился доктор Дули.

Когда Каспер огорчалась из-за меня, то не подавала вида. Она просто смотрела на меня, я смотрела на черепаху, а черепаха занималась своим делом. Хотелось бы мне быть на ее месте, под водой, в тишине, никого вокруг. Какая же безмятежная жизнь у этой черепахи...

— Вчера вечером ты спрашивала Брюса, так вот: ты провела шесть дней в медицинском центре Крили. Тебе оказывали помощь и оставили для наблюдения еще на неделю, перед тем как перевести сюда. Ты знаешь, что у тебя была атипичная пневмония? Скажем так, ты еще не совсем выздоровела, но антибиотики должны помочь, — сообщила Каспер.

Она взяла что-то объемное со стола и пододвинула ко мне. Это был один из тех настольных календарей. Я не совсем понимала, что в нем ищу, но потом увидела вверху страницы.

Апрель. Середина апреля.

Каспер произнесла:

— Ты пропустила только Пасху, так как лежала в Крили. Немного отстала от нас, но ничего важного без тебя не произошло. Мы не можем позволить гигантскому зайцу скакать по психиатрическому отделению, правда же? — Она улыбнулась. — Извини, немного терапевтического юмора. И все же мы тут поохотились за пасхальными яйцами. День благодарения у нас проходит гораздо веселее: пересушенная индейка, подливка с комками. Славные времена.

Я знала, что она хотела подбодрить меня, вызвать на разговор. Я обернулась к ней, но как только мы встретились глазами, я ощутила это проклятое жжение в глазах и отвернулась к дурацкой черепахе. И почувствовала, как неожиданно выбираюсь и снова погружаюсь в свой мрак.